

СЛОВО

надъ гробомъ Любови Яковлевны Михайловской,

урожденной Палимпсестовой, супруги Смотрителя Ставропольскаго духовнаго училища, коллежскаго совѣтника, Магистра Богословія, Григорія Петровича Михайловскаго *).

Смерть человѣческая, братіе, это—нечто-то особенное, тѣмъ менѣе необычайное посреди насъ; напротивъ, она—явленіе самое обыкновенное, непредотвратимое, повсюдное. Въ виду такой всеобщей неизбѣжности смерти, не удивительно, что мудрость древняя назвала ее *путемъ вся земли*, т. е. путемъ, какого неминовать никому изъ человѣковъ, живущихъ на землѣ. Дѣйствительно, сколько ни живи кто, думай или не думай о смерти, а она придетъ и поразить. Но, называя смерть нашу *путемъ вся земли*, мудрость древняя не ограничиваетъ, однако ею дальнѣйшаго нашего и личнаго

*) Произнесено въ церкви Ставропольскаго Троицкаго обора 16-го января 1885 года.

бытія; ибо не говоритъ, что смерть есть грань или конецъ сего бытія. Путь создается для движенія; движемся по нему или стремимся впередъ, далѣе и далѣе,—это мы или душа наша, въ проявленіяхъ ея духовной жизни. Но путь не грань, однако и не конецъ, гдѣ пресѣкается движеніе. По этому полный смыслъ словъ священной мудрости, называющей смерть человѣческую *путемъ всея земли*, будетъ тотъ, что смерть наша, будучи неизбѣжною, не прекращаетъ однако собою нашей личной жизни, а напротивъ чрезъ нееже саму, какъ чрезъ единственный и неизмѣнный путь, переходитъ душа наша со всѣми ея личными свойствами и дѣлами изъ одной области въ другую, изъ временной въ вѣчную, или, по словамъ св. Апостола, въ тотъ вѣчный градъ, который, въ теченіе всей земной жизни нашей, болѣе всего долженъ занимать помысленія наши, какъ цѣль ея. Мысль, не лишняя великихъ уроковъ и утѣшеній.

Но отъ чего же, при такомъ взглядѣ на смерть, взирая на гробъ и лежащую въ немъ нашу красоту, мы не въ силахъ бываемъ соблюсти въ себѣ спокойствіе духа? Отъ чего въ эти минуты, обычнѣе всего, льются слезы, слышатся тяжелые вздохи и рыданія? Отъ чего даже святая наставница наша—церковь, при каждомъ погребеніи взрослыхъ, и сама оглашаетъ слухъ нашъ извѣстною веѣмъ и вѣками освященною пѣснію плача и скорби? *Плачу и рыдаю*, голосомъ стона и страданій, воспѣваетъ она, *плачу и рыдаю*, егда помышляю *смерть и вижду во гробѣхъ лежащую*, по образу *Божію созданную нашу красоту, безобразну и безславну, не имущую вида*. Для уразумѣнія сего мы не намѣрены касаться общей причины надгробныхъ скорбей, т. е. не будемъ напоминать о печальной исторіи происхожденія смерти, какъ казни Божіей за грѣхъ человѣка, что собственно и оплакивается, какъ общечеловѣческое горе, священный пѣвецъ смерти. Не будемъ потому, что не всѣмъ возрастамъ человѣческимъ понятно это горе. Плачущія напримѣръ дѣти у гроба отца или матери, конечно, не понимаютъ еще ни внутренней связи грѣха со смертію, ни той разрушительной силы его, какая проявляется въ тѣлесномъ составѣ нашемъ во время и послѣ смерти: тѣмъ не менѣе и

они плачуть, и плачуть горько, неутѣшно!.. Есть, есть, братіе, и другія причины надгробныхъ скорбей, въ извѣстной мѣрѣ проявленія своего не порицаемыхъ ни нашею совѣстію, ни святою церковію. Св. Евангелистъ Іоаннъ повѣствуетъ, что Іисусъ Христосъ, когда увидѣлъ Марію, сестру Лазаря, плакавшую о смерти брата, а съ нею плачущихъ и другихъ, *возскорбѣлъ и Самъ, возмутился духомъ, а наконецъ и прослезился* (Еван. Іоан. XI, 33, 35). Какъ ни объясняйте скорби и слезъ Спасителя по поводу смерти Лазаря, но въ виду того, что Лазаря Онъ любилъ и называлъ другомъ своимъ, едва ли можно отрицать, что въ Его скорби и слезахъ была своя доля скорби и о самомъ Лазарѣ, и слеза сочувствія къ горю и великой потерѣ сестеръ его и такого же сочувствія къ слезамъ другихъ. Ибо это ли нѣжнѣйшее и любвеобильнѣйшее Божественное сердце, съ такою безграничною любовію милосердовавшее удручаемыхъ болѣзнями тѣлесными, могло остаться нечувствительнымъ къ сердечному горю и великой потерѣ друзей своихъ? Взгляните теперь и на предлежащій предъ взоромъ нашимъ гробъ сей и стоящихъ у изголовья его пятерыхъ юныхъ дѣтей во главѣ отца. Ни у кого и изъ нихъ не блестятъ взоры спокойствіемъ, не свѣтятся радостію; поникли головы ихъ долу и слезы висятъ на рѣсницахъ ихъ. Что же такъ глубоко поражаетъ сердце ихъ скорбію и наполняетъ глаза ихъ слезами? Увы, великая потеря ихъ,—потеря для сердца ихъ и такая же потеря для жизни ихъ. Со смертію рабы Божіей Любви они потеряли (трудно и вымолвить) то священное и то дорогое имъ сердце, которое билось и дышало для нихъ, которое нѣжною любовію своею согрѣвало ихъ, и которое, подобно жизненному нерву, единило въ себѣ и оживляло собою всю среду ихъ и давало возможность главѣ семейства посвящать всѣ силы души своей и свое высокое образованіе служебному призванію его.

Боже Праведный, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ св. Промысла Твоего взявлющій отъ супруга помощницу его и у дѣтей юныхъ мать ихъ! Покорствуя волѣ Твоей, къ Тебѣ возводятъ они слезящія очи свои и на Тебя возверзаютъ печаль свою. Призри на нихъ въ часъ сей окомъ милосер-

дія Твоего, яви имъ помощь Твою и утѣшеніе и, въ наступившіе дни сиротства ихъ, не лиши ихъ Твоею Божественною любовію и благословеніемъ!

Но у гроба, братіе, не скорбятъ только и плачутъ: Божественнымъ Провидѣніемъ отведено тутъ широкое мѣсто и для поученія и назиданія.

Дѣйствительно, смерть каждаго человѣка—не одинъ только ударъ для любящихъ его, не одинъ только и поводъ къ скорби по немъ; нѣтъ, это вмѣстѣ—и великій всегда учитель для нихъ и сильный поводъ къ назиданію всѣхъ, знающихъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, среди нашихъ житейскихъ заботъ и увлеченій, ничто столько и такъ наглядно не напоминаетъ намъ о непрочности нашихъ земныхъ замысловъ и надеждъ и о суетности мірскихъ пристрастій, какъ смерть. Поражая одинаково и юнаго и стараго, слабого и сильнаго, богатаго и убогаго, она невольно возбуждаетъ въ душѣ нашей серьезное раздумье. Глядя на гробъ, какъ бы невольно сосредоточиваешься и чувствуешь, что мысль твоя пробуждается, взглядъ на жизнь расширяется и самопознаніе становится глубже и яснѣе. Вотъ онъ, думаешь въ себѣ, кого я любилъ и съ кѣмъ вчера еще бесѣдовалъ, мертвъ теперь и во гробѣ! Что же? Въ виду такого зрѣлища, могу ли думать я, что смерть не подстерегаетъ ужъ и меня, какъ *татъ въ ноци*, и что завтра или чрезъ нѣсколько дней не положатъ и меня во гробъ и не снесутъ въ могилу? Вотъ онъ оставилъ здѣсь все, что приобрѣлъ; что же унесу съ собою и я изъ земныхъ стяжаній? Въ высшей степени поучительныя мысли въ семъ родѣ даетъ намъ въ своей вдохновенной элегіи священный пѣвецъ смерти. „Разсматриваль я, и говорить онъ, гробницы и, увидѣвъ тамъ однѣ лишь кости обнаженныя, спросилъ себя: кто же тутъ царь, кто воинъ, кто богатый и кто бѣдный? И не могли отличить одного отъ другаго, я сказалъ себѣ: увы, все—одна суета человѣческая, что не пребываетъ по смерти: суета—богатство, суета—и слава; пришедшей бо смерти, сія вся потребишася“*).

*) Послѣд. погребенія мірскихъ человѣкъ. „Видо“

Каждая смерть и каждый гробъ поэтому, братіе, говорятъ намъ въ поученіе: помните всегда о смерти, *помните, что она не умедлитъ* (Сир. XIV, 12); трудитесь, собирайте и трудомъ честнымъ умножайте ваши стяжанія, не отвергайте и чести, когда она слѣдуетъ за вашимъ званіемъ и положеніемъ, какъ тѣнь за тѣломъ, но не прилагайте ко всему этому вашего сердца и не ставьте въ земномъ цѣли вашей жизни; „пришедшей бо смерти, сія вся потребятся, отымутся отъ васъ“.—И придется тогда, въ часъ смертный, въ скорби сердца сказать: *всю жизнь трудились мы, и ничегоже яхомъ*. Ничто опять не дѣйствуетъ такъ отрезвляюще на наше сердце и не напоминаетъ намъ съ такою убѣдительностію о задачѣ нашего земнаго бытія, въ смыслѣ приготовленія нашего къ жизни вѣчной, какъ смерть и гробъ. Среди земныхъ суетъ и увлеченій нерѣдко случается, что въ насъ ослабѣваетъ и даже гложетъ сознание того, что земная жизнь наша дана намъ только для приготовленія къ небесной, что *еже здѣсь постемъ мы, то тамъ только и пожемъ* и что, наконецъ, въ слѣдъ же за смертію послѣдуетъ судъ надъ нами (Евр. IX, 27), когда Судія Господь обнаружитъ не только наши тайныя дѣла, но и всѣ наши помысленія и воздастъ каждому по дѣламъ его. Смерть и гробъ пробуждаютъ въ насъ это сознание. Послушаемъ, что въ своемъ священномъ плачѣ воспѣваетъ Церковь надъ гробомъ ближнихъ нашихъ отъ лица каждаго изъ нихъ. „Вчерашній день, устами матери своей взываетъ почіющій во гробъ, вчерашній лишь день я бесѣдовалъ съ вами, други мои и братія. Но вотъ *внезапу найде на мя часъ смертный*. И теперь я, оставляя васъ, иду къ Судіи, у Котораго нѣтъ лицепріятія, а каждый отъ своихъ только дѣлъ или прославится навсегда, или постыдится на всю вѣчность“. Это—голосъ изъ гроба. Неужели голосъ этотъ недостаточенъ, не силенъ пробудить насъ отъ сна грѣховнаго и обратить наше вниманіе на наше земное назначеніе?—Нѣтъ, только потерявшій совершенно духовный слухъ не услышитъ его, и только убившій въ себѣ глубокимъ развратомъ сердце свое не пробудится и не сотрясется при такомъ страшномъ громѣ.

Помни же, всякій человекъ, что *еже здѣ постемъ,*

тожде тамъ и пожнеши. Помня это, сѣй добро, пока живъ; въздѣлывай оное и возвращай нелѣстно. Трудись и на другихъ поприщахъ твоей дѣятельности, но во всѣхъ трудахъ и дѣлахъ твоихъ памятуй всегда и о концѣ твоёмъ (Сир. VII, 39), памятуй, что житіе твое вѣчное—на небесахъ. Это памятованіе, какъ сторожъ, будетъ охранять тебя отъ грѣха. Скажете: сердце юное жаждетъ радости и веселья? Пусть и веселится юноша, пусть сердце его вкушаетъ и свойственныя ему радости жизни, но только, какъ говоритъ Премудрый, *пусть и знаетъ* юноша, что за все это Богъ приведетъ его на судъ (Еккл. XI, 9). Старость маститая нуждается въ покоѣ? Пусть въ покоѣ и доживаетъ она останокъ дней своихъ; но должна, непрестанно должна памятовать и она, что дни ея есть уже преддверіе Божественнаго судилища, гдѣ болѣе всего умѣстны и потребны раскаяніе и плачь о грѣхахъ, какъ признакъ зрѣлой мысли и истиннаго самопознанія.

Смерть предлежащей предъ нами рабы Божіей Любви, по особеннымъ обстоятельствамъ ея жизни и характеру ея дѣятельности, кромѣ общихъ уроковъ, даетъ намъ уроки и особенныя, съ одной стороны предостерегающіе, а съ другой прямо и глубоко назидающіе.

Эта раба Божія надѣлена была отъ Господа не только богатыми талантами, какіе даются немногимъ избраннымъ, но растила и преумножала таланты свои въ мѣру всѣхъ своихъ силъ, и въ тоже время представляетъ собою одинъ изъ выдающихся типовъ современной образованной русской женщины.

Родитель ея—почтенный протоіерей губернскаго города и мужъ рѣдкаго въ наши дни благочестія. Родные дяди ея по отцу всѣ получили образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и двое изъ нихъ были даже и наставниками высшихъ же заведеній: одинъ—духовной академіи, другой—университета. Всецѣло проникнутый благочестіемъ, отецъ ея хотѣлъ дать ей только домашнее образованіе, какъ и старшимъ ея сестрамъ; но сила обстоятельствъ измѣнила его намѣреніе. Когда эта раба Божія научилась грамотѣ, въ это время въ мѣстѣ жительства ея открылось среднее женское

учебное заведеніе. Чувствуя въ себѣ неудержимое влеченіе къ знанію и наукамъ, она упросила отца своего опредѣлить ее въ число воспитанницъ вновь открытаго заведенія. Благодаря своимъ рѣдкимъ способностямъ и неустанному труду, она скоро достигла блестящихъ успѣховъ, опередивъ всѣхъ своихъ подругъ, большая часть которыхъ принадлежала къ высшему сословію мѣстнаго общества. Такъ блестяше окончила она и курсъ. Но, заботясь объ образованіи своего ума и обогащеніи своихъ знаній, она въ заботахъ своихъ зашла слишкомъ далеко. Не только все дневное время посвящала она занятіямъ науками и чтенію книгъ, но и многія ночи проводила безъ сна, отдаваясь чтенію. Послѣдствіемъ такой преданности научнымъ занятіямъ было ослабленіе и изнуреніе ея тѣлесныхъ силъ, такъ что физическое здоровье ея, еще за время обученія ея, было подорвано въ самомъ корнѣ и лишило ее возможности, по выходѣ изъ заведенія, посвятить себя самостоятельному труду, къ которому такъ самоотверженно готовилась и о которомъ такъ много мечтала она. Такимъ образомъ сбылось на ней во всей силѣ изрѣченіе Премудраго: *приложивый разумъ приложитъ болѣзнь*. Изнуривши силы духовныя въ ущербъ тѣлеснымъ, она сдѣлалась женщиною болѣзненною, слабонервною и провела жизнь свою хотя и съ широкими замыслами и богатыми идеями, но за то и съ безсиліемъ къ осуществленію ихъ, по слабости силъ тѣлесныхъ. И вотъ, едва дожила она до половины дней обычнаго предѣла человѣческой жизни, какъ, послѣ продолжительныхъ и тяжкихъ страданій, скончала свое земное житіе. Вдумайтесь въ это обстоятельство изъ жизни умершей, вдумайтесь глубже, особенно вы, современныя женщины и дѣвицы! Въ виду этого обстоятельства, какой назидательный урокъ подаетъ вамъ смерть предлежащей рабы Вожіей! Для своего образованія и обогащенія знаніемъ, она училась самоотверженно и трудилась непомерно; за то и разстроила свое здоровье, получила болѣзнь неизлѣчимую и умерла преждевременно. Учитесь и вы, старайтесь умножать ваши познанія, но не отдавайтесь умственнымъ занятіямъ до изнеможенія, до надрыва тѣлесныхъ силъ. Это изнеможеніе препятствуетъ осуществленію самыхъ полезныхъ и самыхъ

добрыхъ начинаній, и въ чашу скорбей и страданій, неизбѣжныхъ въ жизни каждаго человѣка, подливаетъ очень много горечи. Это изнеможеніе, эта болѣзненность были причиною того, что жизнь почившей не только для нея самой представляла мало утѣшительнаго, но и для близкихъ ей лицъ была нерѣдко тяжелымъ крестомъ. Увы, не такова ли жизнь и многихъ изъ современныхъ женщинъ! Не образованіе, конечно, само по себѣ служитъ причиною такихъ горестныхъ явленій, а излишнее напряженіе умственныхъ силъ, соединенное нерѣдко къ тому же съ стремленіемъ разрѣшить неразрѣшимые для ума человѣческаго вопросы и найти отвѣты на важнѣйшіе запросы жизни, найти тамъ, гдѣ мудрствуютъ только *по стихіямъ міра*. И такъ какъ такіе отвѣты, даваемые мнѣющимися мудрецами, не могутъ успокоить серьезныхъ умовъ; то отсюда происходятъ разочарованія и сердечныя мученія, не перестающія дотолѣ, пока жаждущій истины умъ не обратится къ настоящему источнику истины, къ самому Господу Христу, дающему успокоеніе възмъ труждающимся и обремененнымъ.

И благодареніе, вѣчное благодареніе Божественному Промыслителю, что, ввѣривъ богатые таланты подлежащей рабѣ Божіей, Онъ скоро и въ конецъ успокоилъ волнующуюся и испытующую мысль ея—въ нѣдрахъ христіанской вѣры и надежды. Жизнь ея, послѣ мысленной борьбы, была уже воистинну жизнію мудрой христіанки и преданнѣйшей рабы Христовой, а кончена—кончиною блаженныхъ. За нѣсколько дней до смерти своей, она пожелала даже, чтобы одинъ изъ сыновей ея, обучающихся въ свѣтскомъ учебномъ заведеніи, перешелъ въ духовное училище, и пожелала затѣмъ собственно, чтобы въ семьѣ ея не презѣкался родъ духовный. Согласно ея желанію, сынъ этотъ и обучается теперь въ духовномъ училищѣ. Да исполнить же Господь святыхъ желаній сердца ея! Да почиетъ на птенцѣ семь ея материнское, и всего, славнаго талантами и благочестіемъ, рода ея и Божіе благословеніе!

Но не отрицательнаго только свойства уроки даетъ намъ жизнь и смерть почившей; даетъ она и положительныя, для близкихъ сердцу ея утѣшительныя, для всѣхъ же вообще

поучительные и назидательные. При всей слабости тѣлесныхъ силъ своихъ, почившая раба Божія Любовь исполняла, какъ намъ извѣстно, свои материнскія обязанности съ изумительнымъ усердіемъ, съ такою заботливостію и съ такою всепоглощающею любовію, какія составляютъ рѣдкость нашего времени, особенно въ жизни людей образованнаго класса. Съ той поры, какъ Господь благословилъ ее рожденіемъ первенца и до самаго гроба, она поставила главною и почти единственною задачею своей жизни воспитаніе дѣтей своихъ. Не довольствуясь знаніями, пріобрѣтёнными касательно воспитанія дѣтей въ учебномъ заведеніи, она и во все время супружеской жизни старалась узнавать относительно физическаго и духовнаго воспитанія дѣтей все, что вѣщаетъ объ этомъ мудрость Божественная и до чего дошла мудрость человѣческая, чтобы, по возможности, приложить пріобрѣтённые знанія къ дѣлу. Дѣлу воспитанія своихъ дѣтей она отдалась всецѣло, оставивъ, въ буквальномъ смыслѣ, всякія развлечения и мірскія удовольствія. Не смотря на то, что она всегда была болѣе или менѣе слаба тѣлесными силами, она неотлучно была при дѣтяхъ, слѣдя за ихъ тѣлеснымъ и духовнымъ развитіемъ. А когда кто изъ дѣтей ея подвергался болѣзни, она съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ заботилась объ излѣченіи больного. Даже въ послѣдніе годы, когда она большую часть времени проводила на одрѣ болѣзни, даже въ послѣдніе дни многострадальной жизни своей, уже изнемогая отъ тяжелой болѣзни, она, однако, входила во всѣ мельчайшія подробности жизни своихъ дѣтей, стараясь все устроить къ ихъ душевному и тѣлесному благосостоянію. Не обинуясь можно сказать, что она *душу свою положила* за дѣтей своихъ. Такое отношеніе почившей къ своимъ материнскимъ обязанностямъ, представляя поучительный примѣръ для всякой матери, да послужитъ къ утѣшенію и пораженныхъ горемъ ея супруга и дѣтей. Да, возлюбленные, вамъ есть чѣмъ вспомнить почившую и вспоминая съ отрадою и утѣшеніемъ. Это утѣшеніе должно еще усугубиться, коль скоро вы размыслите, что въ немощи почившей, съ такою любовію и самоотверженіемъ выполнявшей свои материнскія обязанности, совершалась сила Божія, что ея неустанному и

напряженному выполнению материнских обязанностей помогала самъ Господь Богъ.

Но,—что еще болѣе утѣшительно и поучительно,—дѣятельность почившей не ограничивалась однимъ семействомъ: ея доброе вліяніе простиралось и на то духовно-учебное заведеніе, которому посвятилъ труды свои супругъ ея. Для посторонняго глаза, конечно, и незамѣтно почти было, но мы знаемъ, что, любя своихъ собственныхъ дѣтей, она любила и дѣтей—питомцевъ своего супруга, и, одушевляемая этою любовію, воодушевляла супруга своего на неустанную дѣятельность, и присущую ему постоянную энергію еще болѣе усиливала своимъ вліяніемъ. Мы знаемъ, что она глубоко сожалѣла о каждомъ мальчикѣ, сбивавшемся съ истиннаго пути, и своимъ женски-чувствительнымъ предстательствомъ располагала супруга своего къ отеческому снисхожденію и большей заботливости о исправленіи заблуждающихся. А какъ отзывчиво было сердце ея къ воспитанникамъ, подвергавшимся тяжкимъ болѣзнямъ! До послѣднихъ лѣтъ, когда она уже сама нуждалась въ уходѣ, она не оставляла свою помощь тяжело заболѣвавшимъ ученикамъ, посылала имъ лучшіе куски съ своего стола, просила докторовъ озаботиться объ излѣченіи таковыхъ, иногда сама навѣщала болѣвшихъ. О, если бы и всякая жена такъ усердно способствовала мужу въ добросовѣстномъ и ревностномъ исполненіи служебныхъ обязанностей!

За такую любовь почившей къ своимъ материнскимъ и супружескимъ обязанностямъ, уповаемъ, Милосердый Господь отпустить ея вольныя и невольныя прегрѣшенія и упокоить душу ея *въ мѣстѣ свѣтлѣ, и дѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе*. За такую любовь и вы, духовные питомцы, обязаны поминать почившую рабу Божию Любовь въ своихъ молитвахъ.

Въ братски-христіанскомъ сочувствіи къ покойной, воззовемъ ко Господу и мы все отъ чистаго сердца: Милосердый Господи! Покой душу усопшія рабы Твоея! Аминь.

Протоіерей Василій *Розалиевъ*.